

А. Н. ЕЛСУКОВ,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ МАСКАМ? КРИТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИРВИНА ГОФМАНА

С позиции критико-методологического подхода анализируется социологическая концепция общения «лицом к лицу» И. Гофмана. Раскрывается логико-структурная характеристика учения этого исследователя, анализируется сущность его «драматургического» подхода при изучении социальных явлений. Выявляются некоторые противоречия в теоретических построениях Гофмана и их практические экспликации.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, теория, критико-методологический анализ, общение «лицом к лицу», маска, жест, команда, роль, фрейм-анализ, символический интеракционизм, структурализм, коммуникация.

The sociological conception of «face to face» interaction developed by Erving Goffman is made analysis to from the viewpoint of the critical-methodological approach. The logical-structural nature of the researcher's doctrine is disclosed, the essence of his «dramaturgical» approach at leaning social events is given analysis to. Some contradictions in Goffman's theoretic constructions and their practical explications are revealed.

Key words: social interaction, theory, critical-methodological approach, «face to face» interaction, mask, gesture, role, frame analysis, symbolic interactionism, structuralism, communication.

Развитие отечественной социологии современности тесно связано с глубоким осмыслением западной теоретической мысли. Однако осмысление это носит в основном апологетический характер, разъясняются или комментируются идеи зарубежных авторов без сколько-нибудь глубокого их критического анализа. Дело представляется так, как будто перед нами тексты, выражающие абсолютную истину, доступную только западным теоретикам. А между тем эти тексты весьма остро критикуются самими западными исследователями. Идея фальсификации, которая лежит в основе западной критики, не отменяет (не разрушает) критикуемую теорию, а создает базу для более глубокого ее осмысления с учетом тех противоречий, которые неизбежно в ней присутствуют. С позиции этой идеи и хотелось бы рассмотреть весьма интересную, но отнюдь не лишённую своих противоречий концепцию социального взаимодействия Ирвина Гофмана.

Для американской теоретической социологии характерна очевидная несогласованность между макро- и микротеоретическими построениями. После общесоциологических теорий П. Сорокина и Т. Парсонса американская теоретическая мысль явно качнулась в сторону микросоциальных построений. С одной стороны это оправдывалось тем, что социология не должна воспарять к заоблачным высотам абстрактных построений, подменяя собой социальную философию, а с другой стороны утверждалась мысль о том, что эта наука должна быть ближе к человеку, к его повседневному опыту, к конкретным ситуациям социального общения и взаимодействия, доступным непосредственному наблюдению и калькулированию. Ярким проявлением второго направления стали теории «зеркального Я», «обмена», «символического интеракционизма», «микрokonфликта» и т. д., которые с полным правом могут быть отнесены к парадигме психологизма. К этому же направлению социологической мысли относится и теория социального взаимодействия И. Гофмана.

Хотя идеи этого автора подразделяются многими специалистами на два периода, исходя из того факта, что в начале своего творчества он был сторонником символического интеракционизма, а затем стал приверженцем структурализма, на самом деле это утверждение не соответствует действительности и в какой-то степени искажает суть его учения. Дело в том, что

структурализм (как и функционализм) можно истолковывать в самых различных аспектах. Все представители теоретической социологии (начиная с Платона) были сторонниками структурализма, пытались ответить на вопросы, как устроено общество, каковы его составные элементы. А вот от того как эти элементы интерпретировались – с позиции механического, экономического, биологического, психологического или кибернетического подходов, во многом зависело и истолкование структурно-функциональной характеристики общества. Ни один из представителей теоретической социологии не ограничивал свою теорию только анализом исходного элемента общества, а стремился на базе своей интерпретации этого элемента воссоздать общую картину общества, особенностей его изменения и функционирования. Переход от выяснения исходной «клеточки» общества к его структуре, к вопросам функционирования и развития общества является общей тенденцией всей теоретической социологии. В этом плане нет какого-то принципиального различия между сторонниками макро- и микротеоретических построений социологии. Разница заключается лишь в интерпретации самого исходного начала социальной структуры. Для кого-то это классы и сословия, нации или народы, а для кого-то отдельно взятые индивиды или их бинарные контакты.

Эта связь между анализом исходного элемента общества и его структурой прослеживается и в творчестве Гофмана, в котором соединяются идеи символического интракционизма и структурализма (разумеется, истолковываемые в сугубо авторском подходе). Поэтому более правильным считать, что в творчестве Гофмана интеракционизм и структурализм выступают не как два самостоятельных блока (или этапа) в его теоретических построениях, а как две логически связанные части теории, взаимно обуславливающие друг друга. Без его учения взаимодействия «лицом к лицу» (в рамках которого речь идет об исходном элементе социума) невозможно понять и раскрыть специфику истолкования им социальной структуры. Как в равной мере концепция «фрейм-анализа», имея ярко выраженный структуралистский характер, помогает уяснить специфику его истолкования интеракционизма, понимаемого им как «управление впечатлением». Это единая, неразрывная теория, в рамках которой автор вначале раскрывает свое представление об исходном элементе социальной структуры (исходным «атомом» которой, по его мнению, является взаимодействие «лицом к лицу» с помощью «маски», что вполне укладывается в парадигму психологизма символического интеракционизма), а затем использует этот образ для построения общей картины устройства общества и отдельных его подструктур (типа групп и организаций). В этой взаимосвязи идей интеракционизма и структурализма в полной мере проявляется оригинальность его теории, получившей название «драматургического», или «театрального», подхода. Это стигматизированное название теории (предложенное самим автором) предполагает сопоставление между театральными подмостками (где есть актеры и зрители) с «подмостками» повседневной жизни. При этом Гофман не повторяет уже сложившихся и устоявшихся представлений о характере социального взаимодействия, а старается разработать собственную концепцию этого явления, в какой-то мере даже отрешившись от классических основ интеракционизма.

Если в интеракционизме в качестве исходной социальной единицы выступают как минимум два субъекта (взаимодействие между которыми и выступает как «единица» социальности), то в теории Гофмана все внимание уделено отдельно взятому человеку, сознание которого раздвоено между его самостью и тем, кем ему хотелось бы казаться в глазах окружающих его людей. Это фиксируется понятиями «Я сам» и «Моя маска», что постулирует наличие в человеке его личностных и социальных качеств. При этом автор полагает, что если у здорового человека эта раздвоенность имеет несколько скрытый (латентный) характер, то у людей с психическими расстройствами (или иными нарушениями идентичности) она проявляется в

более яркой форме, не удивительно, что многие примеры в работах этого автора описывают поведение пациентов особых медицинских учреждений. Получается, что Гофман разрабатывает базисные понятия своей теории на примерах «испорченной идентичности», а затем переносит их на характеристику поведения обычных людей, их групп и общества в целом. В этом плане его трактовка интеракционизма весьма существенно отличается от мидовской, хотя и заимствует из нее некоторые базисные понятия.

Дж. Мид, признанный основоположник символического интеракционизма, попытался проследить все этапы созревания личности от грудного возраста до зрелого состояния, используя понятие «игры», которое заменяет у него понятие социального общения. Именно в рамках игры и осуществляется, по его мнению, процесс ролевого созревания личности. Исследователь полагал, что в развитии личности существуют три стадии кристаллизации и стабилизации собственного «Я». Первую стадию он и назвал «игра». Как полагал Мид, в процессе этой игры дети способны усваивать весьма ограниченный круг участников общения, сначала только одного-двух (в основном это родители). По мере созревания человек обретает способность принимать роли нескольких лиц (так называемых «Я-образов»), являющихся участниками какой-либо ограниченной деятельности в рамках организации. Эту стадию он назвал «коллективная игра». На заключительной стадии формирования личности человек принимает роль «обобщенного другого», усваивает «сообщество установок», включаясь в наиболее широкий круг общения. На этой стадии не только расширяется круг общения, но и происходит генерализация социально-психологических установок других людей. Этот «обобщенный другой» отождествляется с такими понятиями, как «Бог», «народ», «общество», «мораль», «право», «государство» и т. д. Таким образом, с переходом человека на каждую последующую стадию развития «Я» усиливается его способность принятия роли всевозрастающего числа «других». В сущности, это хорошо известный в социологии и социальной психологии процесс социализации личности, только поданный в ином словесном обрамлении. Нетрудно заметить, что Гофман заимствовал из мидовской концепции такие понятия, как «игра» и «жест», придав им сугубо театральную антураж, в рамках которого социальная роль стала мыслиться как своеобразная маска.

При такой трактовке меняются представления как о природе взаимодействия, так и о понятии социальной роли. Предполагается, что человек не столько выполняет ту роль, которая задана соответствующим статусом, сколько подстраивается под нее, стремится сформировать положительное мнение о себе у окружающих его людей (демонстрирует видимость усердного работника, исполнителя, талантливого актера). Он не столько принимает образ всех «других», сколько пытается этим «другим» навязать свой образ, что и реализуется в понятии «управляемое воздействие». Структурно-статусная характеристика социальных образований как некая объективная категория, определяющая природу социального поведения, трансформируется в чисто экспромтное действие, в интенцию приспособления к наличной ситуации. Тем самым учение Гофмана представляет собой попытку изобразить «повседневность» как некое театральное представление, в котором происходит игра «масок». Индивид в этой «игре» подает себя не тем, кем он является на самом деле, а всего лишь той «маской», которая диктуется той или иной ситуацией общения. Именно этот образ человека-актера (человека-маски) и определяет, по мнению Гофмана, сущность личности, его внутренний мир, ту социальную реальность, которую он сам в себе конструирует и которая накладывает свой отпечаток на всю систему человеческих отношений и взаимодействий.

Пожонглировав некоторой системой изобретенных понятий, как актер на сцене (а его теория драматургического действия может быть распространена и на его собственное творчество), Гофман старается убедить читателя в том, что подобное представление социального действия не более, чем вспо-

могательная аналогия, что суть его теории не стоит сводить к этой аналогии. Он пишет: «При развитии системы понятий, принятой в данной работе, был использован некий язык театральной сцены. Я говорил об исполнителях и аудиториях (публиках); о рутинных номерах, партиях и ролях; об исполнениях удавшихся или провалившихся; о репликах, сценических декорациях, реквизите, обстановке и закулистье; драматургическом мастерстве и драматургических стратегиях. Теперь пришла пора признаться, что это злоупотребление простой аналогией отчасти было лишь риторикой и тактическим маневром»¹. Но как бы ни извинялся автор за свое увлечение различного рода аналогиями (а их в его работах встречается достаточно много), стараясь доказать, что содержание его работ глубже поверхностных сравнений, надо признать, что понятие «драматургического подхода» стало своеобразным клеймом (стигмой) его теории социального взаимодействия и вуалирует основное ее содержание, в том числе и все ее противоречия.

Гофман попытался разрешить извечную альтернативу социально-исторической необходимости и проявление свободного волеизъявления человека. В данном контексте прослеживается общее стремление многих американских теоретиков вывести человека из-под диктата внешних обстоятельств, тех статусно-ролевых требований, которые определяют внешние условия поведения и ограничивают волеизъявление человека, заставляя его действовать по определенной схеме, превращая его в некий винтик сложной социальной машины. Человек, с точки зрения этих теоретиков, не пассивный исполнитель социальных требований, а активный творец собственной судьбы. Здесь западный индивидуализм и либерализм дополняется идеей творческого волеизъявления человека. Но само это творчество преподносится весьма специфично. У Гофмана это волеизъявление приобретает несколько странное истолкование, нацеленное не столько на добросовестное выполнение своих профессиональных обязанностей (то есть статусно-ролевых характеристик), сколько на создание деловой видимости. Человек в ситуации общения (формального или неформального) как бы одевает маску, чтобы произвести благоприятное впечатление на окружающих. Поэтому с точки зрения Гофмана человек сам себе и автор, и актер, и зритель, так как постоянно отслеживает, какое он производит впечатление на окружающих людей. При такой интерпретации социальность утрачивает стабильность и устойчивую характеристику личности. Человек не столько выполняет роль, сколько просто подстраивается под нее. Само общение «лицом к лицу» становится игрой масок, ибо не только отдельный индивид, но и все участники общения являются носителями масок. Социальная коммуникация превращается в быстро изменяющийся процесс смены масок, где нет ничего устойчивого и постоянного, ибо маски приходится менять много раз даже в течение одного дня, оказываясь в тех или иных социальных кругах. И это несмотря на то, что сам автор стремится доказать, что только за счет такого общения и создаются условия для формирования социальной стабильности, или, как он говорит, «стабилизации ситуации».

Наличие подобных кругов в структурах социального общения создает те условия, которые детерминируют как характер масок, так и их смену. Автор определяет их понятием рамки (фрейма). Эти «рамки» и создают ту конкретную ситуацию социального общения (некую социально-сценическую площадку), где разворачивается игра масок, происходит своеобразная «притирка» членов группы друг к другу и начинает формироваться социальная структура как таковая. Определяя основные принципы своей концепции, Гофман пишет: «Подход, развиваемый в данной работе, – это подход театрального представления, а следующие из него принципы суть принципы драматургические. В ней рассматриваются способы, какими индивид в самых обычных рабочих ситуациях представляет себя и свою деятельность другим людям, способы, какими он направляет и контролирует формирование у них впечат-

лений о себе, а также образцы того, что ему можно и что нельзя делать во время представления себя перед ними»².

Разбирая структуру театрально-социального действия, Гофман выделяет следующие ее элементы. Во-первых, это сам участник социального действия (актер, или актор); во-вторых, окружающие его актеры происходящего действия; в-третьих, сторонние зрители (публика, или аудитория). Путем объединения двух последних участников социального «спектакля» структура общения доводится до двух основных элементов – актера и публики. «В действительности, – пишет Гофман, – эти три участника сжаты в два: роль, которую играет один, приспосабливается к ролям, исполняемым другими присутствующими, и эти другие составляют также публику»³.

Таким образом, взаимодействие истолковывается Гофманом как акт общения между личностью и социальным окружением. Так как ситуаций подобного окружения может быть бесконечное множество, то и ролевое взаимодействие также принимает самые различные формы. Конкретизируя свою позицию по этому вопросу, Гофман отмечает: «В этом беглом обзоре я затронул несколько основных подразделений взаимодействия: подвижные единицы, контакты, разговорные схватки, формальные собрания, сценopodobные выступления и общественные праздники. Подобным же образом можно бы потолковать о процессах или механизмах взаимодействия. Но хотя довольно легко обнаружить периодически повторяющиеся достаточно общие процессы взаимодействия (особенно микроскопические), трудно определить основные из них, за возможным исключением процессов, связанных с поворотами в разговоре. Нечто подобное можно сказать и о ролях во взаимодействии»⁴.

В этой круговерти отношений люди как бы теряют свое лицо, свою «самость» и начинают общаться с помощью сконструированных ими же самими масок, стремясь что-то скрыть в себе и что-то представить в наиболее выгодном для себя свете. Так подменяется подлинная социальная реальность искусственно созданной схемой. «Исполнитель, – пишет Гофман, – может быть захвачен и обманут своей собственной игрой и в этот момент верить, что насаждаемое им впечатление о реальности – это единственная и подлинная реальность»⁵.

На этом теория масок Гофмана не заканчивается. Понятие «публика» (аудитория) рассматривается им в двух планах. Во-первых, как реальное социальное окружение человека, во-вторых, как внутренний план действия, как некая «внутренняя аудитория», которая и диктует механизм конструирования масок. Это нечто такое, что в обычной психологии определяется понятием «совесть». Получается так, что, пытаясь обмануть других, человек прежде всего обманывает самого себя, стремясь хоть как-то понравиться своему внутреннему контролеру. На этой основе он конструирует и проигрывает план будущего представления. Социальная реальность в этом случае приобретает характер сплошного (всеобщего) обмана. Автор вполне уверенно формулирует эту мысль: «...индивиду в качестве исполнителя придется скрывать от самого себя в качестве своеобразной аудитории определенные дискредитирующие факты... В обиходных понятиях это значит, что в исполнении обязательно найдутся вещи, о которых он не пожелает признаться самому себе. В жизни постоянно случается этот замысловатый маневр самообмана»⁶. В этой формулировке нетрудно заметить влияние фрейдовской идеи вытеснения, которая связана либо с нервными расстройствами, либо с процессами сублимации. По Гофману и получается, что именно благодаря сублимации человек приходит к необходимости конструировать свои маски, маскируя негативные черты своей натуры, которые он старается скрыть и выдворить из своего сознания.

В этом сложном процессе социального конструирования Гофман выделяет два вида коммуникации: произвольную и произвольную. Первая представляет собой такой способ коммуникации, который связан с общезначимыми

символами и способами общения, контролируясь разумом и вербальными средствами. Второй связан со случайными способами самовыражения и реализуется в различного рода оговорках, мимике, жестах, гримасах и т. д., то есть это нечто такое, что не контролируется разумом, но, тем не менее, участвует в конструировании масок. Гофман полагает, что именно второй вид коммуникации в наибольшей степени передает театральный смысл общения, некое врожденное свойство человека в его стремлении подстраиваться под мнение «других», к благородному «обману». Эта игра действительно разворачивается в целостное драматургическое действие, для анализа структуры которого автор вводит такие понятия, как «передний план», «закулисы», «декорация», «явное общение», «тайные зоны общения» и т. д., придавая им сугубо социально-психологический смысл. И хотя автор пытается смягчить свое увлечение театральными аналогиями, подчеркивая особую важность выяснения непосредственных контактов между людьми в ограниченном пространстве их взаимодействий, в рамках которых особое значение приобретают произвольные гримасы и жесты, тем не менее сама эта аналогия воспринимается читателем (гофмановских текстов) как весьма важный элемент его теории, который накладывает свой отпечаток как на определение социального взаимодействия, так и на его понимание социальной структуры. Получается, что стигматизированное название теории как бы перекрывает саму ее сущность. Аналогия оказывается намного сильнее теоретических постулатов, теория в этом случае приобретает форму («маску») своеобразного эпатажа.

Расширяя рамки своей концепции, Гофман признает не только раздвоенность личности, но и допускает определенную раздвоенность коллектива, вводя понятие «команда». Любой коллектив, по его мнению, включает в себя как формальные, так и неформальные отношения. Именно в рамках последних особенно зримо проявляется социальная значимость общения масок, на основе которых и создается «команда» как своего рода коллектив в коллективе, как его групповая маска. Эта групповая маска выступает как общий корпоративный «дух» коллектива, своего рода «корпоративный этос». «Команда, – пишет Гофман, – это группировка, но группировка не в контексте отношений социальной структуры или социальной организации, а скорее в контексте взаимодействий, в которых удерживается нужное определение ситуации... индивиды, числящиеся в штате заведения, становятся членами команды не просто в силу своего штатного статуса, а благодаря сотрудничеству, которое они поддерживают, чтобы отстоять данное определение ситуации»⁷.

Таким образом, понятие коллектива у Гофмана удваивается. Это понятие истолковывается в обычном смысле как некое количество людей, сплоченных штатным расписанием. А, с другой стороны, это круг единомышленников, некая незримая команда, члены которой бесконечно доверяют друг другу. Это единокорпус и выступает в качестве коллективной маски. Утверждается, что эта коллективная маска должна скрывать не столько недостатки реального коллектива, сколько его достоинства, превращая данный коллектив в некое закрытое сообщество. Такое определение коллектива характерно в условиях острой конкуренции, в рамках которой участники социального общения явно не заинтересованы в том, чтобы раскрывать все карты своего успеха. По этому поводу Гофман пишет: «Если исполнение вынуждено быть эффективным, то очень вероятно, что степень и характер сотрудничества, которые делают это возможным, будут скрывать и держать от всех в секрете... Поэтому команда, в используемом здесь значении, – это своеобразное секретное общество»⁸.

Получается так, что помимо желания самого автора он стал явным или неявным критиком своего общества, ибо предполагается, что современное западное общество, кичащееся своей открытостью, состоит из закрытых систем отдельных организаций и их команд. Последний финансовый кризис на Западе действительно показал, что это общество состоит из наглухо закрытых сегментов общественной жизни (банков, корпораций, монополий),

которые эффективность своей деятельности понимают в исключительной пользе только для себя. Эта же закрытость проявляется и в постсоветских странах, в которых субъекты хозяйствования эффективность своей деятельности стали понимать не иначе как приватизацию бюджетных средств, что и стало основой всеобщей коррупции и взяточничества.

Какие же выводы методологического характера можно сделать на основе идей гофмановской интерпретации человеческого общения и масочно-рамочной структуры общества? Отвечая на этот вопрос, необходимо учитывать противоречивую сущность той ситуации, которая сложилась в американской социологии. С одной стороны, в ней наблюдается мощный всплеск прикладных социологических исследований с разработкой соответствующей методологии этих исследований, которая включала солидный математический аппарат обработки исходных данных. Но полученные в результате такой обработки сведения имели сугубо частный и весьма тривиальный характер. Для их более широкого использования нужна была соответствующая теоретическая интерпретация. С другой стороны, в социологии (как американской, так и западноевропейской) сформировалось обширное поле макросоциологических концепций, которые, однако, плохо согласовывались с данными прикладных исследований. Сложилась такая ситуация в социологии, при которой образовался своеобразный зазор между эмпирическими и теоретическими исследованиями, их логическая рассогласованность. Возникла необходимость создания таких теоретических построений, на базе которых можно было бы осуществлять соответствующую концептуализацию социологических данных, придавая им более широкий социальный контекст. Так возникла необходимость создания теорий среднего и даже микроструктурного калибра, появление которых не заставило себя ждать в американской теоретической мысли. Но и появление этих теорий не сняло проблему согласования эмпирических и теоретических исследований в социологии. Эти разновидности социологического знания продолжали развиваться как вполне автономные системы. Более того, появление микротеорий в социологии приводило лишь к значительному увеличению поля логических противоречий, не столько расширяя возможности объективного познания социальных явлений, сколько проблематизируя эту возможность, так как бесконечное умножение этих теорий способствовало лишь их плюрализации и утрате четких критериев их методологических ориентиров.

Наличие таких противоречий наглядно проявляется и в творчестве Гофмана. С одной стороны, он как бы задался общей целью конкретизировать объект социологического исследования, выявляя его микроструктурные элементы, и на этой основе определить сущность социальной организации, в рамках которой разыгрываются, по его мнению, основные компоненты социальной коммуникации. Но, с другой стороны, он столь противоречиво описал характер этой коммуникации, что пропадает уверенность в получении хоть сколько-нибудь положительного знания о характере деятельности этой организации. Ибо картина коммуникации в рамках предлагаемой стратегии общения превращается в некий калейдоскоп субъективных реакций, сочетание «моментальных снимков», за которыми скрываются подлинные лица ее участников и объективный смысл социального бытия. И как бы ни пытался Гофман предоставить действующему лицу полное право его свободного волеизъявления в общении с другими людьми, превратить это общение в некое «подстраивание» к мнению коллектива в рамках отдельно взятой организации, такая интерпретация социальных связей оказывалась мало продуктивной для осмысления специфики функционирования даже одной самой маленькой организации, не говоря уже о деятельности многотысячных коллективов и общества в целом, что и снижает методологическое значение этой теории. Для примера можно было бы взять такой коллектив, как семья, где никуда не деться от общения «лицом к лицу». Но спрашивается, можно ли с помощью этой интерпретации общения вывести все то множество жи-

тейских (повседневных) ситуаций, которые случаются в этом традиционном коллективе, очевидно, что нет. Конечно, автор может утверждать, что в его теории речь идет только о повседневном общении в рамках служебного коллектива, но тогда возникает вопрос, почему этому общению придается общесоциологический смысл, ибо общение в рамках такого коллектива вовсе не исчерпывает весь объем социальных структур, что явно ограничивает методологические рамки («фреймы») самой этой теории. Да и в рамках отдельной организации «обманывающее» действие маски можно проследить только на начальной стадии знакомства человека с новым коллективом. В рамках же более продолжительного срока совместного общения эта функция маски явно утрачивается, так как люди многое знают друг о друге. Наконец, с учетом современных технических средств коммуникации ситуации общения «лицом к лицу», то есть непосредственного живого контакта, явно утрачивает свое значение, так как значительно расширяется пространство общения.

О некотором ограничении методологического значения теории Гофмана говорит и тот факт, что в ней отсутствует терминологическая ясность: некоторые ключевые понятия имеют двойное и даже тройное значение, и наоборот, в разных работах одно и то же социальное явление обозначается разными терминами. Так, например, ключевое понятие общения «лицом к лицу» в более поздних работах обозначается понятием «контакт». Вот как автор определяет это понятие: «Контактом я буду называть любое событие, когда индивид вступает в сферу ответного соприсутствия другого, будь то в форме физического соприсутствия, телефонной связи или обмена письмами. Поэтому я считаю частями контакта все те взаимные попадания в поле зрения и обмена, которые случаются за время одного такого события. Так беглый уличный обмен взглядами, разговор, обмен все более скупыми приветствиями при встречах в одном кругу общения, взгляд на присутствующих трибунного оратора – все подходит под определение единичного контакта»⁹.

Методологическая ущербность рассматриваемого учения особенно ярко проявляется и в том случае, если идеи Гофмана переложить на процесс социологического исследования. Дело в том, что ситуация социологического исследования также строится на основе различного рода коммуникаций, то есть общения «лицом к лицу». А раз так, то социолог изучает не реальную действительность общественной жизни, не подлинное «лицо» респондента, а только то, как он себя представляет в своей маске. Ибо волей-неволей из теории Гофмана следует вывод о том, что нет никакой уверенности в том, что в опросах люди отвечают от своего собственного «Я», а не от имени своей «маски». И независимо от того, каков опрашиваемый на самом деле, является ли он «честным респондентом» (не осознающим того, какую роль он играет в момент опроса) или «циничным актером» (осознающим роль своей маски в момент общения с исследователем), он в одинаковой степени «скрывает свое лицо», подстраиваясь под определенную ситуацию. В этом случае общественное мнение в целом выступает как «большой обманщик», что зачастую и приводит к весьма негативным его оценкам. И хотя в арсенале социологов много «хитрых» вопросов, нацеленных на получение объективной информации, тем не менее «барьер масок» отнюдь не всегда удается преодолеть с достаточной полнотой, что иногда и бросает тень на все социологические исследования в целом. Трудности этого исследования усугубляются еще и тем, что оно представляет собой комплексный (коллективный) характер. А коллектив исследователей – это тоже корпоративная команда, которой есть что скрывать и как себя представлять общественности. Одни в этой команде определяют программу, другие анкетируют, третьи обрабатывают полученную информацию и формируют социологические данные, а четвертые осуществляют аналитическую работу. И на всех этих этапах может проявляться «игра масок», так или иначе сказываясь на окончательных результатах исследования. Сама социология в этом случае приобретает характер некоей социальной игры, что и формирует в обществе несколько насто-

роженное отношение к ней, к ее якобы «абсолютно» объективным данным. Да, социология как наука должна стремиться к получению таких данных, но по теории Гофмана эта перспектива явно ускользает от нее, ибо и респонденты, и ученые также являются носителями «масок», которые своей «игрой» искажают социальную действительность. Таков печальный методологический вывод из пафосных построений гофмановской теории социального взаимодействия «лицом к лицу» или путем непосредственного контакта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. С. 301.
- ² Там же. С. 29–30.
- ³ Там же. С. 30.
- ⁴ Гофман И. Порядок взаимодействия // Теоретическая социология: антология: в 2 ч. Ч. 2. М., 2002. С. 78.
- ⁵ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. С. 116.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 140.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Гофман И. Порядок взаимодействия. С. 76.